

АНЧАРЪ, ДРЕВО ЯДА.

Вь пустынь чухлой и скупой,
На почвъ, зноемъ разкаленной,
Апчаръ, какъ грозный часовой,
Споишь — одинъ во всей вселенной.

Природа жаждущихъ спеней
Его въ день зноя породила,
И зелень мерзкую въшвей
И корни ядомъ напоила.

Ядь каплетъ сквозь его кору,
Къ полудню разшопясь ошь зною,
И засыиваетъ ввечеру
Густой, прозрачною смолою.

Къ нему и шипца не лещипъ
И пигръ нейдепъ — лишь вихоръ черный
На древо смерши набъжипъ
И мчише прочь уже плеспворный.

И если шуча оросипъ,
Блуждая, лиспъ его дремучій,
Съ его въпвей ужъ ядовипъ
Стекаешъ дождь въ песокъ горючій.

Но человека человекъ
Послалъ къ Анчару властнымъ взглядомъ,
И пощъ послушно въ пупъ пощекъ
И къ упру возвратился съ ядомъ.

Принесъ онъ смершную смолу,
Да въпвь съ увядшимн лиспами,
И пощъ по блѣдному челу
Спрунлся хладными ручьями

Принесъ — и ослабѣлъ и легъ
Подъ сводомъ шалаша на лыки,
И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.

А Царь шѣмъ ядомъ напишалъ
Свои послушныя спрѣлы
И съ ними гибель разослалъ
Къ сосѣдямъ въ чуждые предѣлы.

А. Пушкинъ.

